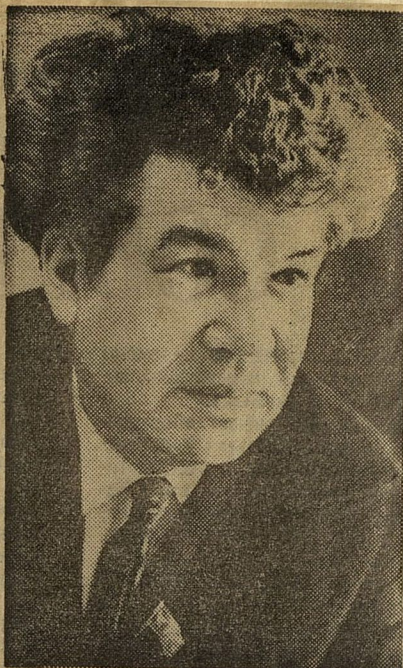

Лит. Россия, 1979, 19 окт.

ПОМНЮ, его лицо было скорбным...
Вообще-то мы, работавшие с ним вместе, привыкли видеть Мустая Карима другим. Та душевная умиротворенность, что приходит с годами, когда уже какие-то, особенно крутые жизненные перевалы позади, истинные ценности сущего познаны и мир необманчиво радостен, потому что ничто мелкое не способно заслонить умудренному взору величие бытия, — она, эта глубинная умиротворенность, сообщала его облику от-

К 60-летию
со дня рождения
Мустая Карима

С ВЕРОЙ В ЧЕЛОВЕКА

крытость и неподдельную, великую доброту. Оптимизм, тоже истинно глубинный, органичный душе, лишенный какого-либо бодрячества, самодовольства, — это тоже всегда в его облике, это тоже как отсвет ясного неба внутреннего мира. И вдруг (это как-то особенно и запомнилось!)... скорбность в глазах, на лице, во всей фигуре, как-то напряженно сутулящейся над бумажным листом, что лежит перед ним на столе.

— Мать пишет, — сказал он, все еще не выходя из отрешенности от здешнего, сиюминутного мира, пребывая там, куда увел его этот бумажный лист. — Мать, — повторил негромко и добро, как и может говорить это слово человек, знающий его великую цену. — Обращается... Просит за сына...

Не знаю, как к депутату ли Верховного Совета Российской республики обращалась к нему та женщина, или как к поэту, хорошо ей известному, или как к земляку, или просто как к человеку, в котором каким-то образом, может, через те же стихи его открыла большую, отзывчивую душу. Обращалась.

И хотя это обращение было, может, всего лишь криком души, а может, тою последнею бесплодной надеждой, какая не на доводах разума, но на чувстве, только на чувстве, — ее обращение тяжестью небывалой навалилось на доброго, душевного, отзывчивого человека.

Позднее я прочитал в его воспоминаниях строки о другой женщине, тоже убитой горем, остановившей его на улице словами: «Мустай!.. У меня умерла дочь. Врачи помочь не смогли. Я ночью думала, если бы ты был доктором, наверное, спас мою дочь». Прочитал и вспомнил ту вот минуту, когда с каким-то делом вошел к нему, а он — над этим бумажным листком, за которым несколько человеческих судеб. И он, поэт, гражданин, человек (каждое это слово можно по праву писать с большой буквы), — он знает, что от его отношения, от веры его или неверия, оттого, как сейчас в огромном приемнике его души преломляются волны чьей-то мольбы и волны другой правды, от всего этого в мире что-то зависит. И ему тяжело, потому что каким бы ни было высоко-светлым чувство матери, а правда и этого чувства выше. И он может стоять только за правду.

Но и в каждом конкретном случае стремился помочь — где словом, где делом.

Я не случайно начал свой разговор о Мустае Кариме с этих житейских, будничных эпизодов, хотя, согласитесь, не у каждого писателя бывают подобные встречи, не к каждому обращаются с такими просьбами. В этом мне видится не только общественная, не одна творческая, но и главным образом человеческая линия поведения Мустая Карима. О ней — проходящей через все, что им написано, через стихи, прозу, драматургию, — и хотелось бы сегодня поразмышлять.

Одну из последних своих книг Мустафа Сафич назвал «Долгое, долгое детство». Заглавная мысль этой книги проста. Каждому человеку важно сохранить, пронести через всю жизнь то прекрасное в своей натуре, что дано от рождения, что закладывается в детстве, в ранней юности. Каждому... А поэту в особенности. Поэт немыслим без таких истинно детских качеств души, как доверчивость, добродушие и милая наивность, без первоначально яркого чувства первооткрывателя мира. Поэт не может, мужая, возрастая, обретая все новые и новые качества души и сердца, обретать вместе с тем и равнодушие.

Сам Мустай Карим, кажется, никогда и ни к чему не был равнодушен. Его большое, глубинное спокойствие как раз всегда и притягательно отсутствием холода, того холода, что есть первый признак остывающей, леденеющей в равнодушии к миру души. Ему близка судьба молоденького поэта, стихи которого он прочитал и в которого поверил. Он уже будет долгие годы, как ширококрылый орел, прикрывать всей силой своего авторитета незащищенность возрастающей поэтической души. Ему близка судьба каждого из своих сверстников, земляков по родному аулу, — ни годы, ни почет, что пришел вместе с поистине всенародным признанием, не отделили его от босогого детства, от тех людей, с которыми он пошел открывать мир. Его волнует история родного народа; образ прекрасного сына своей земли — воина-правдолюбца, поэт Салавата Юлаева, сподвижника Емельяна Пугачева, — этот образ в творческих исканиях Мустая Карима — как путеводная немеркнущая звезда. Запахи и краски родной земли,

звуки ее, радости и печали — они и в веселой, как сам праздник сабантуй, комедии, и в напряженно-возвышенной драме, воспевающей величие любви, и в трагедийном сказании о Салавате. Родная земля...

Любимая, ты помнишь
об Урале,
О синих далах,
о весенних днях,
О том, как мы однажды
любовались
Цветами,
выросшими на камнях?
У них от зноя
огрубели стебли,
Перевились
в колючие жгуты,
Но, венчики пахучие
колебля,
Цвели все лето
нежные цветы.

Когда с такою пронзительной нежностью, с рыцарски скупой простотой, с любовью и болью говорят о родной земле, не удивительно, что человек любого народа, любого поколения считает: «Это о его родной земле! Это о тех цветах, которые радуют сейчас глаза его любимой!»

Не случайно строки, написанные в огневом сорок пятом, и сегодня звучат гимном верности, гимном любви, поются под студенческую гитару, у костра геологов.

Поэта волнует все. Для него нет далекого. Самое далекое, задевшее струны души, становится частью его самого, частичей его существа, страницей его творческой биографии. «Стихи о Вьетнаме», «Из болгарской тетради» — каждая строка этих поэтических циклов напитана чувством братской сопричастности думам, помыслам, делам тех, кто далек, если мерить географическими мерками, но кто братски близок по меркам сердца и души.

Прекрасно о нем сказал Расул Гамзатов: «Он меньше всего принадлежит себе, а принадлежит своим друзьям, людям своей земли, родному аулу, городу, стране».

Его волнует вечный вопрос: судьба всечеловеческого достоинства — таланта. Того огня Прометея, без которого на земле бездыханными становятся самые великие понятия — жизнь, деяние, власть, сила, любовь. Без всеосвещающей мощи которого, как и «без гордости, и человек ничто. А так — подобье нечисти ползучей».

У большого художника — поэт ли он, драматург, прозаик, публицист (а читатель знает Мустая Карима во всех этих жанрах) — каждая книга как бы итоговая.

Наверное, это и есть корневое, отличительное качество настоящего художника: каждое его произведение, каждая его книга — некий итог, вершина раздумий, внутреннего борения, споров с собой и с другими.

«Притча о трех братьях» — книга воспоминаний, раздумий, бесед, невеликая по объему, вышедшая недавно в издательстве «Советская Россия», — очень ха-

рактерна этой итоговостью. Все то, о чем стихи разных лет, драматические вещи, проза, в том числе и для детей, все, чем написаны прежние создания художника, и о всем, что их питало, питает, здесь сказано языком публицистики.

«Родина моя — это люди, которые приходят на землю, чтобы своим трудом и мыслью украсить ее, уходят, чтобы после них другие сажали еще более красивые цветы, воздвигали еще более величественные сооружения. Родина — это память, любовь и мечта».

«Башкирия порою казалась мне маленьким зеленым листком на вечнозеленой березе имени России».

Более полувека назад отправился в свое первое путешествие из родного аула Кляш до близкой (она километрах в двадцати) Уфы башкирский мальчик Мустафа. С тех пор он в дороге. Учеба и война, творческий поиск, депутатская деятельность, работа в Союзе писателей, международные форумы литераторов, борцов за мир — дороги, дороги... И за столом, за верным рабочим столом, к которому, как признается сам Мустафа Сафич, в году удается вырваться месяца на три, иногда чуть больше, иногда чуть меньше, за этим верным столом — как в дороге. На трудной дороге к вершине. Люди скучают по разговору о главном в жизни. Вот когда он и за рабочим столом, над чистым еще бумажным листом, он всегда на этой дороге — к самому главному в жизни.

Зная его самого и зная его творчество, как-то очень хорошо чувствуешь мудрость веков, которая утверждает, что самыми могучими, самыми непреклонными и неподдающимися воинами бывают простые хлебопашцы, горожане, скотоводы, то есть люди, которые действительно представляют и составляют народ. Вот и он, когда его видишь, когда встречаешься с ним, он как этот хлебопашец, простой, добродушный, сердечный, углубленный в работу, — Мустафа Сафич. Прикоснешься к его стихам, к строкам — в них стальной звон чувств, в них великая сила: родная земля может всегда — и в добрые годы, и в лихую годину, — всегда может положиться на поэта-воина Мустая Карима.

Ванцетти ЧУКРЕЕВ